

<http://doi.org/10,37816/2073-9567-2023-69-90-105>

УДК 009+94(47)

ББК 85.33 (4):71.0 (2-Рос)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. М. Н. Козлов
г. Севастополь, Россия

© 2023 г. С. П. Шендрикова
г. Ялта, Россия

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ДОБРЫНИ НИКИТИЧА

Аннотация: В статье представлена историческая реконструкция заключительного этапа жизни одного из основных прототипов былинного богатыря Добрыни Никитича. При написании работы были использованы проблемно-хронологический и историко-аналитический методы научного исследования.

Авторы провели историографический анализ проблемы, поставленной в исследовании, обозначили основные источники, используемые при написании статьи. Опираясь на тексты нескольких русских былин, древнерусские летописи и граффити, найденные при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в 2015 г., они обозначили очевидную связь между былинным богатырем Добрыней Никитичем и ростовским боярином Добрыней Долгим.

Особое внимание в статье уделено анализу личного участия Добрыни в трагических событиях 1174 г. Опираясь на медико-криминалистическое исследование останков Андрея Боголюбского, а также ряд письменных источников, авторы статьи пришли к выводу о том, что Добрыня Никитич служил в дружине князя Андрея Боголюбского, был причастен к заговору против него, но непосредственно в его убийстве участие не принимал. После трагических событий 1174 г. он бежал в Ростов, где принял участие в военном совете перед Липецкой битвой и погиб во время последующего за ним сражения.

Ключевые слова: Добрыня Никитич, Андрей Боголюбский, Липецкая битва, бояре Куцковичи, милостивцы, паробки.

Информация об авторах:

Михаил Николаевич Козлов — доктор исторических наук, профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура», Института общественных наук и международных отношений, Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, д. 33, 299053 г. Севастополь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3535-8796>

E-mail: kmn_75@mail.ru

Снежана Павловна Шендрикова — доктор исторических наук, профессор кафедры «Дидактика, методики и технологии обучения» Гуманитарно-педагогического института Севастопольского государственного университета, ул. Университетская, д. 33, 299053 г. Севастополь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9688>

E-mail: snezhnashendrikova@rambler.ru

Дата отправки статьи: 11.04.2022

Дата одобрения рецензентами: 20.12.2022

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Козлов М. Н., Шендрикова С. П. Последний бой Добрыни Никитича // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 90–105.

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-90-105>

В отечественной исторической науке предметом исследования чаще всего становятся судьбы правителей древнерусских земель, тогда как многие герои прошлого, оставившие значительный след в отечественной истории, зачастую остаются в тени. Так, одна из самых ярких личностей древнерусской эпохи народный герой Добрыня Никитич, образ которого нашел отражение в многочисленных народных былинах, легендах и исторических песнях, — за редким исключением вызывает интерес у отечественных исследователей лишь как фольклорный персонаж. Реконструкция отдельных эпизодов биографии его исторического прототипа позволила бы современным исследователям уточнить многие детали исторических событий древнерусской истории.

Вплоть до конца XIX в., в отечественной гуманитарной науке доминировала точка зрения, согласно которой Добрыня был лишь фольклорным персонажем, не имеющим исторического прототипа, образ которого возник вследствие переосмысления в народном сознании образов богов или мифических героев [20, с. 655–658; 3, с. 529; 4, с. 56].

Веселовский А. Н. первым предположил, что былинный Добрыня имел исторический прототип, живший в домонгольский период [5, с. 276].

Точку зрения Веселовского А. Н. поддержал Миллер В. Ф., по мнению которого основным прототипом былинного богатыря стал Добрыня Малкович — дядя крестителя Руси Владимира Великого [14, с. 143–165].

Гипотеза Миллера В. Ф. была доброжелательно принята советскими исследователями Лихачевым Д. С. и Рыбаковым Б. А. [13, с. 59; 16, с. 77]. Подобной точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи [6, с. 239].

В отечественной гуманитарной науке достаточно авторитетной представляется также точка зрения, согласно которой Добрыня Никитич — это собирательный образ нескольких исторических личностей, образы которых наложились в былинах друг на друга. Так, тот факт, что в былинах о Добрыне Никитиче его местом рождения обычно указывается старая Рязань, позволил советским ученым Смирнову Ю. И. и Смолицкому В. Г. прийти к выводу о том, что в былинной традиции произошло слияние двух исторических образов: дяди князя Владимира Добрыни Малковича и Добрыни Злат Пояс, жившего в рязанских землях в первой половине XIII в. [19, с. 329]. Точку зрения Смирнова Ю. И. и Смолицкого В. Г. уже в наше время поддержал Алексеев С. В. [1, с. 93–95].

Гиппиус А. А. и Михеев С. М., опираясь на открытую ими надпись на стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора, пришли к выводу, что историческим прообразом Добрыни Никитича стал ростовский боярин Добрыня Долгий [10, с. 82]. Той же точки зрения придерживается и Сукина Л. Б. [21, с. 54].

Таким образом, в современной отечественной науке не только не существует исторической реконструкции биографии Добрыни Никитича, но и нет единства в определении его основной исторического прототипа.

Выдвижение и обоснование гипотезы об историческом прототипе фольклорного персонажа Добрыни Никитича, а также историческая реконструкция его заключительного периода в жизни — основная цель данной статьи.

Наиболее информативными источниками изучения заявленной в данном исследовании темы являются древнерусские письменные документы и летописи XII–XVI вв., содержащие описания исторических событий, связанных с происхождением и деятельностью Добрыни Никитича.

Важную роль в реконструкции биографии былинного богатыря сыграло также граффити, найденное при реставрации Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском в 2015 г. Гиппиусом А.А. и Михеевым С.М. Надпись содержит имена тех, кто принял участие в заговоре против князя Андрея Боголюбского в 1174 г. На пятом месте в данном списке находится имя Добрыни Никитича [10, с. 82].

При исследовании привлекались также материалы археологических исследований на Липецком поле недалеко от древнего Юрьева, проведенные графом Уваровым А. С. во второй половине XIX в. [25, с. 38].

В то время как расчеты Уварова относительно Липецкой битвы 1216 г. вызывают много вопросов у современных исследователей, его выводы по Липецкой битве 1176 г. в целом приняты современными исследователями и не утратили актуальность вплоть до нашего времени [2, с. 206].

В качестве дополнительных источников привлекались былины, героем которых был древнерусский богатырь Добрыня Никитич.

Дошедшие до нашего времени письменные источники, а также граффити, найденное при реставрации Спасо-Преображенского собора, позволяет надежно идентифицировать исторический прообраз основного прототипа былинного Добрыни Никитича. Так, вполне можно согласиться с Миллером В. Ф., который указывал, что в целом ряде вариантов древнерусской былины «Добрыня и змей» есть прямые указания на борьбу Добрыни с язычеством: в былине он служит крестителю Руси Владимиру, убивает сказочного змея на Пучай-реке (Почайне), а в некоторых вариантах былины змея даже зовут «Перуныка» [31, с. 8–46; 14, с. 223]. Однако, живший в X в. Добрыня был не Никитич. Его отцом, согласно «Повести временных лет» был Малк Любечанин [33, с. 33].

Кроме того, многие детали былин, главным героем которых выступает былинный богатырь Добрыня Никитич, указывают на другую, более позднюю эпоху. Так, во всех списках древнерусских былин у близких людей Добрыни Никитича оказываются христианские имена: отец Никита, мать Амелфа Тимофеевна, жена — Анастасия Микулична [32, с. 106–107, 182–183; 31, с. 74].

Данный факт свидетельствует о том, что былинный Добрыня не мог жить в X в. Анализ обнаруженных в Новгороде берестяных грамот демонстрирует, что еще в XI в. в повседневной жизни люди называли друг друга не христианскими, а языческими именами. Таким образом, былинный Добрыня Никитич жил, скорее всего, не ранее XII в.

Древнерусские летописи содержат информацию о трех Добрынях, живущих в XII – первой половине XIII вв. Это Добрыня Рагуилович — девятый новгородский посадник, Добрыня Долгий — участник Липецкой битвы 1176 г. и Добрыня Рязанич, погибший в битве на Калке.

В списке убийц Андрея Боголюбского, найденном на стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора, можно найти и Добрыню Никитича [10, с. 82]. Убийство произошло в 1174 г. К этому времени Добрыня-посадник уже был мертв (согласно новгородским летописям он скончался в 1117 г.), а погибший в битве на Калке в 1123 г.

Добрыня Рязанич, скорее всего, еще не родился. Таким образом, можно согласиться с гипотезой Гиппиуса А. А., Михеева С. М. и Сукиной Л. Б.: из всех Добрынь, упоминаемых в древнерусских летописях, Добрыней Никитичем, соучастником убийства князя Андрея Боголюбского, мог быть лишь Добрыня Долгий — активный участник междоусобной войны между новгородским князем Мстиславом Ростиславичем и владимиросудзальским князем Всеволодом Юрьевичем.

Дошедшие до нашего времени исторические источники позволяют реконструировать лишь заключительный этап биографии Добрыни. Большая часть его жизненного пути, во время которой он и совершил свои подвиги, прославившие его в былинах и исторических песнях, в дошедших до нашего времени письменных источниках практически не освещена.

К сожалению, происхождение Добрыни Долгого можно реконструировать лишь гипотетически. Ни в одном из письменных источников не упоминаются ни место его рождения, ни родственники богатыря. Имена близких Добрыне Никитичу людей содер­жатся лишь в крайне ненадежных текстах былин.

Имя богатыря указывает на его новгородское происхождение. Характерно, что ни в одной из более чем тысячи обнаруженных на данный момент древнерусских берестяных грамот личное имя «Добрыня» не упоминается. Это означает, что оно широкого распространения в тогдашней народной среде не получило. В то же время упоминания Добрынь и Добрыничей можно найти в различных летописных описаниях исторических событий, связанных с историей древнего Новгорода.

Так, Добрыня Малкович — дядя и ближайший сподвижник крестителя Руси Владимира Святославича стал наместником великого киевского князя в Новгороде [33, с. 37]. Его сына Константина Добрынича великий князь киевский Ярослав Мудрый назначил новгородским посадником [36, т. 3, с. 161]. Тезкой Добрыни Никитича оказался и девятый новгородский посадник Добрыня Рагуилович [36, т. 3, с. 122].

Добрыня — имя языческое и согласно древнерусской языческой традиции, новорожденному ребенку должны были дать имя какого-то умершего предка (деда или прадеда) [9, с. 144–146].

Возможно, что имя Добрыня существовало внутри одного боярского новгородского рода в течение нескольких веков, и его основатель Добрыня Малкович — дядя крестителя Руси Владимира — был далеким предком Добрыни, девятого новгородского посадника. К этому же боярскому роду мог принадлежать и Добрыня Никитич.

Причиной заговора против Андрея Боголюбского, как следует из Ипатьевской летописи, стала казнь одного из Куцковичей [36, т. 2, с. 113]. Согласно древним дружинным обычаям, род убитого имел право на кровную месть. Так, в тексте мирного договора князя Игоря с византийцами мы находим следующий текст: «Аще убьеть хрестеянинъ русина, или русинъ хрестеянина, да держимъ будеть створивый убийство от ближних убъенаго» [33, с. 25].

Гиппиус А.А. обратил внимание исследователей на тот факт, что среди убийц упоминаются родственники нескольких поколений — отцы и дети: Добрыня Никитич и Никита, Петр Фральвичь и Фрол [10, с. 82]. Возможно, что большая часть перечисленных в списке людей находились в какой-то степени родства с казненным Андреем Боголюбским, братом Петра Куцковича.

Прослеживается также определенная связь нескольких соучастников убийства с древним Новгородом. Так, один из них, Мирошка, оказался тезкой новгородского боярина Мирослава Нездинича. В отличие от других Мирославов, которых современники

называли полными языческими именами, для этого боярина прозвище Мирошка стало именем собственным. Так, в тексте «Договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами» находим следующую фразу: «Се язъ князь Ярославъ Володимѣричь, сгадавъ с посадникомъ с Мирошкою, и с тысяцкымъ Яковомъ, и съ всѣми новгородъци, потвердихомъ миръ» [30, с. 28].

Под именем «Мирошки» он четырежды упоминается и в Новгородской первой летописи. Даже гибель его сына Луки Мирославича в битве с литовцами автор летописи запечатлел как смерть «Луки Мирошкина отрока» [36, т. 3, с. 20, 22–23, 24–25].

Таким образом, вполне возможно, что Мирошка из списка убийц Андрея Боголюбского и Мирошка Нездинич — знатный новгородский боярин, ставший посадником в 1189 г., был одним и тем же лицом.

Гиппиус А. А. обратил внимание исследователей на тот факт, что находящаяся на Добрыниной улице в Новгороде церковь святого Образа была фамильной церковью семьи посадника Мирошки Несдинича, и пришел к довольно обоснованному выводу, что Несдиничи были родственниками Добрыничей, и даже принадлежали к одной родовой общине ветви Роговолодовичей [8, с. 103].

Следы другого соучастника убийства Андрея Боголюбского также были неожиданно найдены в древнем Новгороде. Так, прозвище «Стырята», производное от языческого имени «Стырь», встретилось в комплексе надписей-граффити на фрагментах фресковой штукатурки, найденных экспедицией В.В. Седова при раскопках руин церкви Благовещения в древнем Новгороде. Одна из глаголических надписей (№ 28) указывает на то, что в этой церкви некто вдовец Завид устроил школу глаголического письма для новгородских дьяконов. Другая (№ 32) содержит издевательскую фразу: «Стырята баба» [7, с. 48–49, 50–52].

Языческое имя Стырь (производным от которого стало прозвище Стырята) широкого распространения в Древней Руси не имело. В найденных на данный момент берестяных грамотах оно не встречается. Единственное его летописное упоминание относится к 945 г. Под данным именем в «Повести временных лет» упоминается один из воинов князя Игоря, подписавший мирный договор с византийцами [33, с. 23].

Таким образом, можно согласиться с мнением Гиппиуса А. А. и Михеева С. М., о том, что в текстах обеих граффити упоминается один и тот же человек [10, с. 85–86].

Основателем боярского рода Куцковичей (Кучковичей), возможно, был некто Куци — воин князя Игоря, один из тех, кто подписал мирный договор с византийцами 945 г. [33, с. 23]. Как заметил Греков Б.Д., воины, подписавшие договоры с византийцами, представляли дружины князя Игоря и других знатных людей, воины которых принимали участие в походе [11, с. 422]. Однако, в списке воинов, подписавших договор с русской стороны, имеются имена, не привязанные к именам представителей восточнославянской знати. Один из них (Адунь) назван купцом, остальные представлены в списке лишь собственными именами. Возможно, это были представители боярства и купечества крупных древнерусских городов, которые должны были во время переговоров участвовать в обсуждении размеров даней и условий торговли с византийцами. В данном списке Куци числится под номером седьмым и вполне мог представлять древний Новгород, второй по величине город (первые воины в списке должны были представлять стольный Киев).

Судя по имени, Куци был одним из наемников, осевших в Древней Руси в середине X в. На прусское происхождение рода Куцковичей указал филолог Владимир Топоров. Он сравнивал имя Куци с прусскими топонимами «Kuczke», «Kuczithen», именем

«Kutcze» [24, с. 256–260]. Возможно, потомки Куци осели в древнем Новгороде и создали боярский род Куцковичей.

Согласно данным нескольких поздних источников, в частности «Повести об основании Москвы», род Куцковичей вплоть до середины XII в. владел землей в центре нынешней Московской области [34, с. 136–147].

Данный факт свидетельствует о новгородском происхождении их боярского рода. Так, в результате археологических исследований 2001–2007 гг. на посаде древнерусской Шерны (находящейся недалеко от Кучково) в одной из местных усадеб был обнаружен комплекс вислых свинцовых печатей, некогда скреплявших грамоты местного посадника или наместника. Они принадлежали новгородским князьям второй половины XI – середины XII вв. [27, с. 160–162].

По мнению современных исследователей, это свидетельствует о том, что вплоть до середины XII вв. означенные земли относились к юрисдикции Древнего Новгорода и принадлежали местным боярам [27, с. 162].

Данную гипотезу подтверждает и ареальный анализ топонимов в северном и центральном Подмоскowie, свидетельствующий о колонизации данного региона новгородскими словенами [29, с. 57].

Таким образом, можно предположить, что значительная часть заговорщиков была связана своим происхождением с древним Новгородом и находилась в какой-то степени родства с казненным Куцковичем. Это дало им юридическое право мстить князю-убийце. Данный факт косвенно свидетельствует о том, что и упоминаемый в анафеме Добрыня Никитич был связан с древним Новгородом, и, как следствие, с новгородским родом Добрыничей.

Последним из Добрыничей, упоминаемых в новгородских летописях, был Добрыня-посадник. После его смерти ни Добрыни, ни Добрыничичи более в новгородской истории не упоминаются. Возможно, это связано с каким-то конфликтом между новгородцами и Добрыней-посадником, в результате которого потомки Добрыни после его смерти были вынуждены покинуть Новгород. В новгородских летописях ни о чем подобном не сообщается, однако до нашего времени дошло достаточно любопытное позднее предание первой половины XVI в. «Повесть о посаднике Добрыне».

Согласно данному источнику, Добрыня-посадник, подкупленный немецкими купцами, распорядился перенести с центра тогдашнего Новгорода (рыночной площади) православную церковь Иоанна Предтечи, а на ее месте поставить католический костел. За это святотатство обиженный святой Иоанн наказал строителей церкви, ударив молнией в ее купол, а Добрыню утопил в реке [35, с. 22–25].

Новгородские летописи, впрочем, события, изложенные в предании, не подтверждают. Так, согласно Новгородской первой летописи, в 1117 г. гром ударил не в католический костел, а в православную церковь Святой Софии и при этом одного дьяка убило, а иконы попадали на пол [36, т. 3, с. 20].

Католическая церковь святого Олафа была построена задолго до посадничества Добрыни, а костел Петра и Павла — во второй половине XII в. После его смерти [17, с. 197–226]. Других католических церквей в домонгольской период в древнем Новгороде не было. Напротив, в период посадничества Добрыни Рагуиловича была построена православная церковь святого Образа.

Ничего не сообщают летописи и о гибели Добрыни в Волхове (лишь констатируют сухо, что новгородский посадник «успе 6 декабря 1117 г.» [36, т. 3, с. 64].

Однако и «Предание» не могло возникнуть без причины. Вполне возможно, между Добрыней Рагуиловичем и новгородцами действительно возник конфликт, и после смерти посадника его потомкам пришлось спешно покинуть Новгород.

Кем приходились Добрыне Долгому Добрыня-посадник и Рагуил Добрынич, в настоящее время, к сожалению, установить невозможно. Гипотеза А. А. Гиппиуса о том, что Рагуил Добрынич был сыном Добрыни посадника, достаточно правдоподобна.

Так, имя Рагуил являлось достаточно редким для Древней Руси. Оно не относится ни к христианской, ни к языческой традиции, и сочетание Рагуил Добрынич и Добрыня Рагуилович нельзя считать просто совпадениями. По мнению Гиппиуса А. А., имя Рагуил попало в новгородские святцы из апокрифической «Книги Еноха», чрезвычайно популярной на Руси в то время [9, с. 147].

Из надписи на стене Спасо-Преображенского собора мы узнаем о том, что отца Добрыни Долгого действительно могли звать Никитой. Однако получить языческое имя Добрыня мог только как прямой потомок человека с таким же именем. Единственным подходящим предком, согласно новгородским летописям, был Добрыня-посадник. Таким образом, возможно, что Никита — отец Добрыни Долгого — был сыном Добрыни-посадника и братом Рагуила Добрынича.

Каким образом Добрыня Никитич оказался на службе у князя Андрея Боголюбского, мы также не знаем. Интересно, что автор Новгородской первой летописи назвал убийц Андрея Боголюбского «милостивцами»: «Убиша Володимири князя Андрея свои милостици» [36, т. 3. с. 34]. В древнерусском языке слова «помиловать» означает пожалеть кого либо, сжалиться над кем-то [26, с. 621]. Таким образом, «милостивцы» это те, кого князь либо простил за какую-либо вину, либо кормил из милости. Впрочем, в данном случае, возможно, что автор летописи намекал на тот факт, что заговорщики, будучи дружинниками князя Андрея, находились на его содержании и убили своего благодетеля.

Другой термин, которым названы убийцы в письменных источниках, это «паробки». Так, и в тексте граффитто на стене Спасо-Преображенского собора, и в Киевской летописи подчеркивается, что князь «убиен бысть свои паробки» [10, с. 87; 36, т. 2, с. 115].

В древнеславянских языках «паробок» означает холоп, раб [26, с. 208; 10, с. 78]. Опираясь на данные этимологии, Тихомиров М.Н. пришел к выводу, что заговор против Андрея Боголюбского организовали его слуги «министерялы» [23, с. 200]. Схожей точки зрения придерживается и Сукина Л.Б. [21, с. 53].

По мнению Гиппиуса А. А., авторы анафемы и «Повести об убиении Андрея Боголюбского» назвали убийц паробками и милостивцами, нарочно стремясь их унижить [10, с. 79]. В данном случае можно вполне с ним согласиться. Среди участников заговора были люди разного социального положения (раб Анбал и знатные бояре Куцковичи). Таким образом, единственное, что их объединяло, это соучастие в убийстве князя. Термины «паробки» и «милостивцы» можно с одной стороны признать как уничижительные, с другой — как обозначающие службу князю Андрею Боголюбскому.

Учитывая тот факт, что в 1176 г. новгородский князь Мстислав Ростиславич посчитал возможным на военном совете перед Липецкой битвой дать слово Добрыне, мы можем считать это историческое лицо знатным человеком с большим авторитетом в дружинной среде тогдашней Руси. Таким образом, следует предположить, что Добрыня Долгий до убийства владимиристо-суздальского князя занимал важный пост и в его дружине.

В древнерусских источниках сохранились упоминания об участии Добрыни Никитича в трех исторических эпизодах. Так, из надписи на стене южной апсиды Спасо-Преображенского собора XII в. в Переславле-Залесском мы узнаем об участии Добрыни Долгого в заговоре против владими́ро-суздальского князя Андрея Юрьевича в Боголюбове 29 июня 1174 г. Среди списка участников заговора довольно четко просматривается имя и отчество былинного героя. Также Лаврентьевская летопись сообщает нам о его активном участии в военном совете перед битвой 1176 г. и последующей героической гибели на Липицком поле [36, т. 1, с. 161, 162].

Достоверность данных, представленных в надписи, не подлежит никакому сомнению. По мнению исследователей, надпись представляет собой анафему участникам убийства Андрея Юрьевича [10, с. 79], либо поминальный текст [21, с. 51]. Его составителям не было никакого смысла вписывать в список имена невинных людей.

Обстоятельства убийства Андрея Боголюбского изложены в летописной «Повести об убиении Андрея Боголюбского», дошедшей до нас в двух вариантах: в пространной редакции в составе Ипатьевской и в краткой в составе Лаврентьевской летописей [28, с. 59–60].

Приводим самый подробный рассказ из Ипатьевской летописи: «И бѣ у него Якимъ слуга възлюбленый имъ, и слыша отъ нѣкого, аже брата его князь вельль казнити, и устремиси дьволимъ научениемъ, и тече вопия къ брати своей къ злымъ съвѣтникомъ; и почаша молвити: «день того казнить, а насъ завтра; а промыслимы о кнзъ семь». Началникъ же убийцамъ бысть Петръ Куцьковичъ зять, Анбаль Ясинъ ключникъ, Якимъ Кучковичъ, а всихъ невѣрныхъ убийць 20 числомъ, иже ся бяху сняли на окаянный съвѣтъ, у Петра у Кучкова зятя. Блаженный же въскочи, хотъ взятии мечъ, и не бѣ меча, бѣ бо томъ дни вынялъ и Амбаль ключникъ его. И въскочиша два алканная и ястася съ нимъ, и князь поверже одного подъ ся, и мнѣвше князя повержена и уязвиша и свой другъ; и посемъ познавша князя и боряхуся съ нимъ велми, бяшетъ бо силенъ, и секоша меци и саблями язвы даша ему. «И Петръ же отътя ему руку десную» [36, т. 2, с. 113–114].

Как видим, Добрыня Никитич в данном описании убийства отсутствует. Главными убийцами автор повести называет Якима Кучковича, Петра Кучкова зятя и выкравшего меч у князя Андрея ключника Анбала.

Летописный рассказ об убийстве Андрея Боголюбского подтвердила экспертиза останков князя. Так, согласно современной реконструкции убийства Андрея Боголюбского князь получил 16 ударов. Все они были нанесены двумя людьми, вооруженными: саблей и мечом. Повреждения применительно к той позе, которую князь Андрей Боголюбский занимал при самообороне, располагаются примерно на одном уровне. Следовательно, нападавшие были одного роста. Ростом убитый князь был ниже среднего (около 170 см). Примерно того же роста оказались и оба его убийцы [12, с. 34].

Роль Анбала, как видно из летописного рассказа, состояла в том, чтобы непосредственно перед убийством незаметно вынести из княжеской спальни меч. Он был ключником, то есть холопом. В Уставе князя Владимира Всеволодовича по этому поводу четко указано: «А се третье холопство: тивунство без ряду или привяжетъ ключъ к себе без ряду, с рядомъ ли, то како ся будетъ рядиль, на том же стоять» [37, с. 28]. Раб не имел право на кровную месть, да и родство его с казненным Кучковичем представляется весьма сомнительным.

Таким образом, можно согласиться со Звягиным В. Н. в том, что непосредственными убийцами князя стали Петр Кучков зять и Яким Кучкович [12, с. 27–30].

В «Русской правде» содержится вполне определенные указания на то, что непосредственно осуществлять кровную месть могли лишь ближайшие родственники убитого: «Убьеть мужь мужа, то мстити брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или брату чаду, любо сестрину сынови» [18, с. 108].

Получивший прозвище Длинный за высокий рост Добрыня Никитич, непосредственно в убийстве Андрея Боголюбского не принимал (убийцы князя были ниже среднего роста). Таким образом, можно вполне согласиться с точкой зрения Сукиной Л. Б., что имя Добрыни было внесено в список не как непосредственного участника убийства, а как активного участника мятежа против власти Андрея Боголюбского [21, с. 54].

Добрыня Никитич мог принимать участие в убийстве охранников и слуг князя, а также организации последующих беспорядков. Так, в тексте Новгородской первой летописи сообщается о том, что заговорщики, прежде чем убить князя, «избивьше стороже дверьныя» [36, т. 3, с. 34]. Также в Киевской летописи сообщается об убийстве во дворце подростка Прокопия — милостивца князя Андрея [36, т. 2, с. 114].

Лаврентьевская летопись сообщает нам о разграблении дворца убитого князя, а также о массовом убийстве княжеских чиновников — наместников и сборщиков налогов в Боголюбове: «Горожане же Боголюбскыи и дворяне разграбиша домъ княжь, и делатели, иже бяху пришли къ дьлу, злато и сребро, порты и паволоки и имънье, ему же не бѣ числа; и много зла створися въ волости его, посадникъ его и тиуновъ его дома пограбиша, а самъхъ избиша, дѣтъцкыъ и мечники избиша, а дома ихъ пограбиша» [36, т. 1, с. 157].

Схожую информацию о мятеже и беспорядках по всей Владимирской земле можно найти в Ипатьевской, Первой Новгородской и целом ряде поздних летописей [36, т. 2, с. 114; 36, т. 3, с. 34; 15, с. 253; 36, т. 24, с. 82].

Какую роль во всех этих событиях играл Добрыня Никитич, мы не знаем. Лаврентьевская летопись сообщает нам о том, что в 1176 г. он принял активное участие в военном совете, который состоялся перед битвой у города Юрьева во время переговоров между князьями Мстиславом Ростиславичем и Всеволодом Юрьевичем: «Въ то же лѣто приведоша Ростовци и боляре Мстислава Ростиславича изъ Новагорода, рекуще: поиди, княже, къ намъ, мы хочемъ тебе, а иного не хочемъ. Онъ же приеха Ростову, совокупивъ Ростовци и боляре, гридьбу ипасынкы, и всю дружину, поеха къ Володимирю; Всеволодъ же поѣха противу ему, съ Володимерци и съ дружиною своею, и что бѣше боярь осталось у него. Князь же Всеволодъ, не хотя крови прольяти, посла къ Мстиславу глаголя: «брате! оже ты привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову, а отгль миръ възмевъ; тобе Ротовци привели и боляре, а мне былъ съ братомъ Богъ привель и Володимерци, а Суздаль буди нама обче, да кого всхотятъ, то имъ буди князь. Онъ же послушавъ рѣчи Ростовское и болярское, молвахуть бо ему: «аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы». Мстиславъ же послуша рѣчи Всеволода, стрья своего, но слушашеть Добрыны Долгаго, Матѣяши Бутовича и иныхъ злыхъ чельовкъ [36, т. 1, с. 161].

Опираясь на данный летописный рассказ, граф Уваров А. С. пришел к выводу, о том, что Добрыня Длинный был ростовским боярином и принадлежал к помянутой в источнике старейшей ростовской дружине [25, с. 5].

Следует отметить, что в летописи действительно сообщается о том, как громче всех против мира с князем Всеволодом звучали «рѣчи Ростовские и болярские», а убедили князя Мстислава отказаться от мирных инициатив князя Всеволода «злые люди Добрыня Долгий и Матѣяш Бутович» [36, т. 1, с. 161].

Можно предположить, что Добрыня Долгий и Матѣяш Бутович принадлежали к тем самым боярам, которые активно выступали против князя Всеволода, но из дан-

ного отрывка не следует, что они были именно ростовскими боярами. Так, летописец во всем описании событий, связанных с междоусобным сражением 1176 г., упорно разделяет «ростовцев» и «бояр».

Понятие «ростовцы» включало в себя всех жителей города и окрестных земель. Боярами же летописец называет, скорее всего, бояр пришлых. Здесь могли быть и новгородские бояре, имеющие владения во владими́ро-суздальских землях и бояре северо-восточной Руси, опасаящиеся усиления центральной власти при князе Всеволоде Юрьевиче. Как верно заметил Соловьев С. М., большая часть владими́ро-суздальских бояр поддержали князя Мстислава Ростиславича [22, с. 536].

Таким образом, можно предположить, что после участия в мятеже против Андрея Боголюбского Добрыня бежал в ростовские земли и здесь активно выступал против князя Всеволода Юрьевича.

В последующей после военного совета Липецкой битве Добрыня Долгий героически погиб: «Князь же Всеволодъ, переѣхавъ рѣку Къзу въ субботу рано, и поѣха къ нему, полкы нарядивъ; Мстиславъ же стоявше dospъвъ у Липиць. Стрѣльцемъ стрѣляющимся межи полкома, поидоша къ собѣ на грунахъ обои, покрывша поле Юрьевское: и Богъ поможе Всеволоду Юрьевичю, мѣсяця июня в 27 день, и побѣже Мстиславъ и дружина, Добрыну Долгаго ту убиша, и Иванка Степанковича, и инъхъ, а Ростовци и болръ всѣ повязаша, а у Всеволода полку не бысть пакости, Богомъ и крестомъ честнымъ, а села боярская взяша, и кони и скоть [36, т. 1, с. 161–162].

Интересно, что автор данного летописного рассказа не видел в Добрыне уроженца ростовских земель. Так, он особо сообщает о том, что дружина князя Мстислава и сам князь «побѣже», и при этом погибли Добрыня и Иванко Степанович, а ростовских бояр «повязаша».

Согласно данным археологии, победители отнесли к останкам павших воинов с почтением. Их не бросили на поле боя, а захоронили в земле. Большую часть тел погибших захоронили в общей могиле. Трех погибших в битве похоронили в гробах. Тела знатных воинов, захороненных в них, были одеты в рубахи с позолоченными пуговицами, дорогие боярские шапки и высокие сапоги. На пальце одного из них был найден золотой перстень, а возле головы — кольцо. Тут же была найдена рукоятка меча [25, с. 4]. По мнению Уварова А., в кургане были захоронены воины, погибшие в Липецкой битве 1177 г. В общей яме — простые воины, а в гробах — бояре, одним из которых был Добрыня Долгий [25, с. 4–5]. С исследователем вполне можно согласиться. Найденные им останки людей и артефакты относятся ко второй половине XII в. [2, с. 206] и вполне могут принадлежать воинам, погибшим в Липецкой битве. Тот факт, что тела павших в битве бояр захоронили отдельно от простых воинов, в богатой одежде и с оружием, свидетельствует о том, что здесь были захоронены представители воинской элиты. Таким образом, можно предположить, что в одном из этих гробов действительно покоились останки былинного богатыря Добрыни Никитича, прозванного Долгим.

К сожалению, в летописях ничего не сообщается о судьбе ближайших родственников Добрыни Долгого. В Воскресенской и Ермолинской летописях под 1220 г. упоминается воевода князя Юрия Всеволодовича — Воислав Добрынич, как участник похода на Волжскую Булгарию. Он возглавил в этом походе Ростовские и Устюжские полки [36, т. 7, с. 126–127; 36, т. 23, с. 68].

Можно предположить, что семья погибшего Добрыни Долгого осталась в ростовских землях, а его сын стал воеводой Юрия Всеволодовича — сына князя Всеволода Юрьевича.

Несмотря на тот факт, что последние годы жизни Добрыни Долгого связаны были с сомнительными поступками, обращает на себя внимание особое почтение, с которым относились к нему современники и потомки. Так, автор граффито, содержащего текст проклятия убийцам Андрея Боголюбского, посчитал необходимым назвать Добрыню именем и отчеством. К мнению Добрыни прислушался новгородский князь Мстислав Ростиславич и отверг мирные инициативы своего дяди Всеволода Юрьевича. Даже после гибели Добрыни враги продемонстрировали особое почтение к его памяти, похоронив боярина в гробу в дорогой одежде. Все эти факты свидетельствуют, что Добрыня при жизни совершил какие-то подвиги, чем и вызвал уважение современников и почитание потомков, но, к сожалению, в письменных источниках ни о чем подобном не сообщается.

Таким образом, можно сделать вывод, о том, что основным прототипом былинного богатыря Добрыни Никитича стал боярин Добрыня Долгий, относящийся к новгородскому роду Добрыничей.

Добрыня Долгий служил Владимиро-Суздальскому князю Андрею Боголюбскому, принял участие в заговоре против него в 1174 г., после чего бежал в Ростов. Спустя два года он участвовал в военном совете перед Липецкой битвой и погиб во время последующего за ним сражения.

Список литературы

Исследования

- 1 *Алексеев С.* Храбр и наряден муж (Опыт биографии боярина X столетия) // Родина. 2012. № 9. С. 93–95.
- 2 *Астайкин А. А.* Что означает Липицы? (Об определении места Липицких битв 1176 и 1216 гг. и критическом разборе версии А. С. Уварова) // Средневековая Русь. М.: Индрик, 2012. Вып. 10. С. 197–228.
- 3 *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М.: Тип. А. Грачева, 1868. Т. 2. 793 с.
- 4 *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб.: Общественная польза, 1861. Т. 1. 662 с.
- 5 *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1881. 494 с.
- 6 *Гекман Л. П.* «Из темных глубин забвенья» (к вопросу о трансформации восточнославянского мифа о Перуне и Велесе на материале былины «Добрыня и змей») // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1 (26). С. 328–331.
- 7 *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* Надписи-граффити церкви Благовещенья на Городище (предварительный обзор) // Архитектурная археология. 2019. № 1. С. 35–54.
- 8 *Гиппиус А. А.* Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей) // The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / ed. by J. Nuorluoto. Helsinki: Slavica Helsingiensia, 2006. С. 93–108.
- 9 *Гиппиус А. А.* Рагоуиль. Страница из истории русского именослова // Русистика. Славистика. Лингвистика. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag, Hgg. S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger. München: Verlag Otto Sagner, 2003. С. 144–154.
- 10 *Гиппиус А. А., Михеев С. М.* «Убийцы великого князя Андрея»: Надпись об убийстве Андрея Боголюбского из Переяславля Залесского // Slověne. 2020. Т. 9. № 2. С. 63–102.

- 11 Греков Б. Д. Киевская Русь. М.: АСТ, 2004. 671 с.
- 12 Звягин В. Н. Медико-криминалистическое исследование останков Андрея Боголюбского // Проблемы экспертизы в медицине. 2011. Т. 11. № 1-2 (41-42). С. 24–35.
- 13 Лихачев Д. С. Эпическое время русских былин // Сб. ст. к 70-летию Б. Д. Грекова / под ред. В.П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 375 с.
- 14 Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности. Былины. М.: Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1897. 675 с.
- 15 Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 512 с.
- 16 Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 361 с.
- 17 Рыбина Е. А. Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 197–226.
- 18 Свердлов М. Б. От закона русского к Русской правде. М.: Юридическая литература, 1988. 176 с.
- 19 Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Летописные известия о киевском воеводе Добрыне // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 343–360.
- 20 Стасов В. В. Происхождение русских былин // Вестник Европы. 1868. Т. 1. Кн. 2. С. 170–765.
- 21 Сукина Л. Б. Граффито с поминанием князя Андрея Боголюбского на абсиде Спасо-Преображенского собора в Переславле-Залесском: проблемы интерпретации происхождения, смысла и назначения текста // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 49–56
- 22 Соловьев С. М. История России с древнейших времен в восемнадцати книгах. М.: Мысль, 1988. Кн. 1. Т. 1–2. 798 с.
- 23 Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М.: Наука, 1975. 427 с.
- 24 Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья // Балто-славянский сборник. М.: Наука, 1972. С. 217–281.
- 25 Уваров А. Две битвы 1177 и 1216 годов по летописям и археологическим изысканиям. М.: Синодальная типография, 1870. 12 с.
- 26 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1971. Т. 2. 672 с.
- 27 Чернов С. З. О хронологических рамках заключения брака Андрея Боголюбского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 160–162.
- 28 Шамбинаго С. К. Повести о начале Москвы // Труды Отдела древнерусской литературы. 1936. Т. 3. С. 59–98.
- 29 Шилов А. Л. Топонимические маркеры путей экспансии восточных славян в Подмосковье // Вопросы языкознания. 2010. № 2. С. 55–63.

Источники

- 30 Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С. Н. Валка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 162 с.
- 31 Добрыня Никитич и Алеша Попович // Новгородские былины / под ред. Э. В. Померанцевой. М.: Наука, 1974. 448 с.
- 32 Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым / под ред. А. П. Евгеньева А. П., Б. Н. Путилова. М.: Наука, 1977. 487 с.

- 33 Повесть временных лет / под ред. и с пред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 239 с.
- 34 Повесть о начале Москвы // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2006. Т. 15. С. 136–147.
- 35 Повесть о посаднике Добрыне // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 22–25.
- 36 Полное собрание русских летописей. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 1: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. 472 с. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т.2: Ипатьевская летопись. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 938 с. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. 576 с. СПб.: Тип. Эдуард Праца, 1856. Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. 345 с. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 23: Ермолинская летопись. 252 с. Петроград: Государственная тип., 1921. Т. 24: Типографская летопись. 272 с.
- 37 Текст Русской правды на основании четырех списков разных редакций / под ред. Н. Калачева. М.: Тип. Августа Семена, 1846. 52 с.

© 2023. Mikhail N. Kozlov
Sevastopol, Russia

© 2023. Snezhana P. Shendrikova
Yalta, Russia

DOBRYNYA NIKITICH'S LAST FIGHT

Abstract: The paper presents a historical reconstruction of the final stage of the life of one of the main prototypes of the epic hero Dobrynya Nikitich. The study included problem-chronological and historical-analytical methods of scientific research. The authors conducted a historiographic analysis of the issue and identified the main sources used in writing the paper. Based on the texts of several Russian epics, Old Russian chronicles and graffiti found during the restoration of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalessky in 2015, they indicated an obvious connection between the epic hero Dobrynya Nikitich and the Rostov boyar Dobrynya Dolgy.

Particular attention is paid to the analysis of Dobrynya's personal participation in the tragic events of 1174. Based on a forensic medical examination of the remains of Andrei Bogolyubsky, as well as a number of written sources, the authors of the research came to the conclusion that Dobrynya Nikitich served in the squad of Prince Andrei Bogolyubsky, was involved in a conspiracy against him, but did not directly participate in his murder. After the tragic events of 1174, he fled to Rostov, where he took part in the military council before the battle of Lipetsk and died during the battle that followed.

Keywords: Dobrynya Nikitich, Andrey Bogolyubsky, Battle of Lipetsk, Boyars Kutskovichi, Merciful, Parobki.

Information about authors:

Mikhail N. Kozlov — DSc in History, Professor, Department of General History and World Culture of the Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Universitetskaya St. 33, 299053 Sevastopol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3535-8796>

E-mail: kmn_75@mail.ru

Snezhana P. Shendrikova — DSc in History, Professor, Department of Didactics, Methods and Technologies of Education of the Humanitarian Pedagogical Institute, Sevastopol State University, Universitetskaya St. 33, 299053 Sevastopol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5997-9688>

E-mail: snezhnashendrikova@rambler.ru

Received: April 11, 2022

Approved after reviewing: December 20, 2022

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Kozlov, M. N., Shendrikova, S. P. “Dobrynya Nikitich’s Last Fight.”

Vestnik slavianskikh kul'tur, vol. 69, 2023, pp. 90–105. (In Russ.)

<http://doi.org/10.37816/2073-95-67-2023-69-90-105>

References

- 1 Alekseev, S. “Khrabr i nariaden muzh (Opyt biografii boiarina X stoletia)” [“The Husband is Brave and Elegant [The Experience of the Biography of a Boyar of the 10 Century]”. *Rodina*, no. 9, 2012, pp. 93–95. (In Russ.)
- 2 Astaikin, A. A. Chto oznachaet Lipitsy? (Ob opredelenii mesta Lipitskikh bitv 1176 i 1216 gg. i kriticheskom razbore versii A. S. Uvarova) [“What does Lipitsy Mean? (On Determining the Location of the Lipitsky Battles of 1176 and 1216 and a Critical Analysis of A.S. Uvarov's Version)”. *Srednevekovaiia Rus' [Просим дать перевод на английский]*. Moscow, Indrik Publ., 2012, Vol. 10, pp. 197–228. (In Russ.)
- 3 Afanas'ev, A. N. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu [Poetic Views of the Slavs on Nature]*, vol. 2. Moscow, Tipografiia A. Gracheva Publ., 1868. 793 p. (In Russ.)
- 4 Buslaev, F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva [Historical Essays of Russian Folk Literature and Art]*, vol. 1. St. Petersburg, Obshchestvennaia pol'za Publ., 1861. 662 p. (In Russ.)
- 5 Veselovskii, A. N. *Iuzhnorusskie byliny [South Russian Epics]*. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1881. 494 p. (In Russ.)
- 6 Gekman, L. P. “‘Iz temnykh glubin zabven'ia’ (k voprosu o transformatsii vostochnoslavianskogo mifa o Perune i Vesele na materiale byliny ‘Dobrynia i zmei’” [“‘From the Dark Depths of Oblivion’ (to the Issue of Transformation of the East Slavic Myth of Perun and Veles on the Material of the Epic ‘Dobrynya and the Snakes’”]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, no. 1 (26), 2011, pp. 328–331. (In Russ.)
- 7 Gippius, A. A., Mikheev, S. M. “Nadpisi-graffiti tserkvi Blagoveshchen'ia na Gorodishche (predvaritel'nyi obzor)” [“Graffiti Inscriptions of the Church of the Annunciation on the Gorodishche (Preliminary review)”. *Arkhitekturnaia arkheologiya*, no. 1, 2019, pp. 35–54. (In Russ.)
- 8 Gippius, A. A. “Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei)” [“The Scandinavian Trace in the History of the Novgorod Boyars (to the Development of the Hypothesis of A. A. Molchanov about the Origin of the Posadnik family of Gyuryatinichi-Rogovich)”. *The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology [The Slavicization of the Russian North. Mechanisms and Chronology]*, ed. by Juhani Nuorluoto. Helsinki, Slavica Helsingiensia Publ., 2006, pp. 93–108.

- 9 Gippius, A. A. “Ragouil”. Stranitsa iz istorii russkogo imenoslova” [“Ragouil”. A Page from the History of the Russian Name Scholar]. *Rusistika. Slavistika. Lingvistika. Festschrift für Werner Lehfeldt zum 60. Geburtstag*, Hgg. S. Kempgen, U. Schweier, T. Berger [Russian studies. Slavic studies. Linguistics]. München, Verlag Otto Sagner Publ., 2003, pp. 144–154. (In Russ.)
- 10 Gippius, A. A., Mikheev, S. M. “‘Ubiitsy velikogo kniazia Andreia’: Nadpis' ob ubiistve Andreia Bogoliubskogo iz Pereiaslavlia Zaleskogo” [“Murderers of the Grand Duke Andrew’: The Inscription about the Murder of Andrei Bogolyubsky from Pereyaslavl Zalesky”]. *Slověne*, vol. 9, no. 2, 2020, pp. 63–102. (In Russ.)
- 11 Grekov, B. D. *Kievskaja Rus' [Kievan Rus]*. Moscow, AST Publ., 2004. 671 p. (In Russ.)
- 12 Zviagin, V. N. “Mediko-kriminalisticheskoe issledovanie ostankov Andreia Bogoliubskogo” [“Medico-forensic Examination of the Remains of Andrei Bogolyubsky”]. *Problemy ekspertizy v meditsine*, vol. 11, no. 1–2 (41–42), 2011, pp. 24–35. (In Russ.)
- 13 Likhachev, D. S. “Epicheskoe vremia russkikh bylin” [“Essays on Russian Folk Literature Epics”]. *Sbornik statei k 70-letiiu B. D. Grekova* [Collection of papers to the 70-th anniversary of B.D. Grekov.], ed. by V. P. Volgin. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1952. 375 p. (In Russ.)
- 14 Miller, V. F. *Ocherki russkoi narodnoi slovesnosti. Byliny [Essays on Russian Folk Literature. Epics]*. Moscow, Tipografia tovarishchestva I. D. Sytina Publ., 1897. 675 p. (In Russ.)
- 15 Priselkov, M. D. *Troitskaia letopis'. Rekonstruktsiia teksta [Trinity Chronicle]*. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1950. 512 p. (In Russ.)
- 16 Rybakov, B. A. *Drevniaia Rus'. Skazaniia. Byliny. Letopisi [Ancient Rus'. Legends. Epics. Annals]*. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 361 p. (In Russ.)
- 17 Rybina, E. A. “Gotskii raskop” [“The Gothic Excavation”]. *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda [Archaeological research of Novgorod]*. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 197–226. (In Russ.)
- 18 Sverdlov, M. B. *Ot zakona russkogo k Russkoi pravde [From Russian Law to Russian Truth]*. Moscow, Iuridicheskaja literature Publ., 1988. 176 p. (In Russ.)
- 19 Smirnov, Iu. I., Smolitskii, V. G. “Letopisnye izvestiia o kievskom vovode Dobryne” [“Chronicle News about the Kiev Governor”]. *Dobrynia Nikitich i Alesha Popovich [Dobrynia Nikitich and Alyosha Popovich.]*. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 343–360. (In Russ.)
- 20 Stasov, V. V. “Proiskhozhdenie russkikh bylin” [“Origin of Russian Epics”]. *Vestnik Evropy*, vol. 1, book 2, 1868, pp. 170–765. (In Russ.)
- 21 Sukina, L. B. “Graffito s pominaniem kniazia Andreia Bogoliubskogo na abside Spaso-Preobrazhenskogo sobora v Pereslavle-Zaleskom: problemy interpretatsii proiskhozhdeniia, smysla i naznacheniiia teksta” [“Graffito Commemorating Prince Andrei Bogolyubsky on the Apse of the Transfiguration Cathedral in Pereslavl-Zalesky: Problems of Interpretation of the Origin, Meaning and Purpose of the Text”]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo*, no. 3, 2018, pp. 49–56. (In Russ.)
- 22 Solov'ev, S. M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen v vosemnadtsati knigakh [History of Russia from the Ancient Times in Eighteen Books]*, book 1. vol. 1–2. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 798 p. (In Russ.)

- 23 Tikhomirov, M. N. *Drevniaia Rus' [Ancient Rus']*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 427 p. (In Russ.)
- 24 Toporov, V. N. “‘Baltica’ Podmoskov’ia” [“‘Moscow Region’s Baltica’”]. *Balto-slavianskii sbornik [Balto-Slavic collection]*. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 217–281. (In Russ.)
- 25 Uvarov, A. *Dve bitvy 1177 i 1216 godov po letopisiam i arkheologicheskim izyskaniiam [Two Battles in 1177 and 1216 According to Chronicles and Archaeological Research]*. Moscow, Sinodal'naia tipografiia Publ., 1870. 12 p. (In Russ.)
- 26 Fasmer, M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka [Etymological Dictionary of the Russian Language]*, Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1971. 672 p. (In Russ.)
- 27 Chernov, S. Z. “O khronologicheskikh ramkakh zakliucheniia braka Andreia Bogoliubskogo” [“On the Chronological Terms of the Marriage of Andrei Bogolyubsky”]. *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki*, no. 3 (69), 2017, pp. 160–162. (In Russ.)
- 28 Shambinago, S. K. “Povesti o nachale Moskvyy” [“Tale of the Beginning of Moscow”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, Vol. 3, 1936, pp. 59–98. (In Russ.)
- 29 Shilov, A. L. “Toponimicheskie markery putei ekspansii vostochnykh slavian v Podmoskov'e” [“Toponymic Markers of the Ways of Expansion of the Eastern Slavs in the Moscow Region”]. *Voprosy iazykoznanii*, 2010, no. 2, pp. 55–63. (In Russ.)